AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

МОЯ АВСТРАЛИЯ

3
(4)
АВГУСТ - СЕНТЯБРЬ
1999

Елена ГОВОР

Copyright © Елена Говор. 1999.

В новом краю

(Русское восприятие Австралии во второй половине 19 века)

В отличие от участников ранних русских кругосветных плаваний — Василия Головина, Фаддея Беллинсгаузена, братьев Лазаревых, Дмитрия Завалишина — имена и личности которых хорошо известны, моряки и путешественники последующих десятилетий, посещавшие Австралию, по существу надолго оказались забытыми; ни их биографии, ни собранные ими материалы до недавнего времени не изучались. Среди тех, кто побывал в Австралии выделялось имя лишь одного человека — Н. Н. Миклухо-Маклая. Началом современных исследований в этой области стала книга «Российские моряки и путешественники в Австралии» (М., Наука, 1993), подготовленная Александром Массовым и мной. В ней были опубликованы уникальные материалы, хранившиеся в архивах и разбросанные по страницам русской дореволюционной печати. Александр Массов затем опубликовал свои исторические исследования «Андреевский флаг под Южным крестом» (СПб, 1995) и «Россия и Австралия во второй половине 19 века» (СПб, 1998). Меня же заинтересовало как русские воспринимали Австралию и ее народ в те давние годы. Недавно моя книга «Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions (1770-1919)», была издана в Австралии. Поскольку все эти научные издания остаются малодоступными «русским австралийцам», мне хотелось бы продолжить знакомить читателей нашего альманаха с главами из этой книги в русском варианте (первые разделы ее уже были опубликованы в предыдущих номерах «Моей Австралии»). Однако, прежде, чем рассказать о восприятии русскими Австралии, надо сказать несколько слов о самих путешественниках, сведения для биографий которых пришлось собирать буквально по крупицам.[1]

Моряки, путешественники, консулы

Во второй половине 19 века круг русских, посещавших Австралию, значительно расширился. Теперь до берегов Австралии могли добраться не только моряки военно-морского флота, но и путешественники-туристы, ученые и специалисты. Радикально изменилась и география этих визитов. Конечно, Сидней, как и в начале века, оставался центром притяжения, но теперь в сферу русского знакомства вошел весь континент от Брисбена до Олбани, от Аделаиды до Дарвина, от Тасмании до острова Четверга, от полумиллионных, бурлящих жизнью городов до новых поселений, состоящих всего из нескольких улиц, от овцеводческих «станций» до золотых приисков, от заседаний парламента до придорожного костра погонщиков скота.

На протяжении второй половины 19 века Австралию посетило 14 русских кораблей военно-морского флота, причем часто они заходили сразу в несколько портов в разных австралийских колониях. Эти суда Тихоокеанской эскадры обычно посещали Австралию во время переходов между Балтийским морем и Дальним Востоком, а иногда они и специально отправлялись в Южные моря для знакомства с новыми портами и проведения учебных походов, вызывавших у моряков большой интерес.

Сбор сведений об австралийских портах входил в обязанности офицеров, но это не было шпионажем в современном смысле слова, поскольку моряки пользовались лишь официальными источниками и личными наблюдениями того, что им показывали местные власти. Особенно подробно описывали они порты, посещаемые русскими впервые, хотя и в этом случае многое зависело от личности и интересов капитана и офицеров. Так, в 1863 г. русскими были составлены интересные описания Мельбурна, в 1870 г. — Хобарта, в 1888 г. — Ньюкасла, в 1893 г. залива Эксмут и Дарвина. Относительно последнего князь П. П. Ухтомский, капитан «Разбойника», сообщал в Морское министерство: «Каждому офицеру были даны мною особые

программы для собирания ... статистических и торговых сведений ... было желательно, чтоб этот порт, имеющий за собою несомненную будущность, мог быть полнее изучен .... С удовольствием имею честь донести по этому поводу, что все офицеры, от младшего до старшего, отнеслись с надлежащим рвением к исполнению данного им поручения, благодаря чему сведения собраны по всем отраслям не только для Порта Дарвин, но и для всей Северной Территории».[2] В то же время капитан Зарин, под чьим командованием русский корабль «Наездник» впервые посетил Квинсленд в 1888 г., ограничился лишь краткой констатацией этого факта. «Этот русский капитан вообще не любил писать рапорты, — отмечает Александр Массов, изучавший отчеты русских моряков в архивах Морского министерства. — Впоследствии эта краткость вызвала неудовольствие Главного начальника флота и морского ведомства России генерал-адмирала Великого князя Алексея Александровича (брата царя Александра III), и Зарину было сделано замечание».[3]

Чтобы полнее представить сколь разнообразны были личности русских, посещавших Австралию, расскажем подробнее о некоторых из них. Командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Андрей Попов в 1863 г. посетил Австралию на корвете «Богатырь». Это была яркая и сильная личность. «Он отличился еще в годы Крымской войны: под его командованием пароход «Тамань» уничтожил 6 турецких торговых судов. ... Летом 1862 г. он возглавил эскадру, посетившую Сан-Франциско. В США в то время бушевала Гражданская война между Севером и Югом, и этот визит недвусмысленно продемонстрировал поддержку Россией правительства северян во главе с президентом А. Линкольном». Писатель К.М. Станюкович вывел его в романе «Вокруг света на "Коршуне"» и в повести «Беспокойный адмирал» под именем адмирала Корнеева. «Неописуемый страх наводил он своей педантичной требовательностью на подчиненных, был вспыльчив и грозен в гневе. Но, как это ни странно, адмирала на флоте любили. Ибо никто не мог отрицать справедливости его требований, его досконального знания морской службы, его беспредельной любви к своей нелегкой профессии. Адмиральский гнев проходил быстро, и тогда видна была природная доброта старого морского волка, его способность высоко ценить служебное рвение офицеров и матросов своей эскадры. И еще одна особенность была у «беспокойного адмирала». Сам большой эрудит, знаток литературы и военно-морской истории, он поощрял к занятиям в этой области своих офицеров».[4] И реальный адмирал Попов действительно стал первооткрывателем «австралийского чуда» — всего того, что впоследствии стало известно как «Счастливая Австралия».

Попов не только сам составил интересные, вдумчивые отчеты о молодых австралийских колониях, но и разбудил интерес у двух своих молодых подчиненных — мичмана Павла Сергеевича Муханова и лейтенанта Александра Михайловича Линдена, — которые тоже написали интересные очерки об Австралии, вскоре опубликованные в России. Муханов несколько лет состоял при Попове флаг-офицером; адмирал высоко ценил его и считал «замечательным офицером по его способностям и образованию». Австралия так заинтересовала Муханова, что он по существу написал целую книгу «Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком ее». К сожалению она не была опубликована и лишь недавно А. Массов обнаружил ее в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Очерку Муханова «Сидней» повезло больше, он был опубликован в «Морском сборнике» еще во время плавания «Богатыря». Стиль Муханова отличает простота, искренность, живость, временами даже художественная манера. Его сослуживец — капитан-лейтенант Линден — в своих «Заметках об Австралии» более сух и информативен, хотя и в его очерке много оригинальных наблюдений и оценок. В отличие от Муханова, который вскоре вышел в отставку и поселился в своем имении, Линден, прекрасный службист, пользующийся полным доверием начальства, к началу 20 в. дослужился до чина генерал-лейтенанта и состоял членом Главного морского суда.

Младший брат Александра Линдена — Вильгельм — пошел по его стопам не только в выборе морской карьеры, но и в склонности к обстоятельным путевым очеркам. В 1870 г. в чине лейтенанта он посетил на «Боярине» Аделаиду, Хобарт и Сидней. Еще во время плавания он помещал в «Кронштадтском вестнике» — основной русской морской газете — и в «Морском сборнике» корреспонденции о посещенных местах, а в 1871 г. один из самых популярных русских журналов «Вестник Европы» напечатал его очерк «В Тихом океане», содержащий подробной описание Тасмании. Очерки обоих братьев отличает обстоятельность, интерес к истории и, иногда, едва скрытая ирония. Вильгельм, как и старший брат, тоже дослужился до чина генерал-лейтенанта.

В Австралии побывал еще один крупный морской офицер высокого ранга — контр-адмирал Аврамий Богданович Асланбегов. Он командовал эскадрой русских судов «Африка», «Вестник» и «Пластун», посетивших Австралию летом 1881-82 гг. Как и в судьбе Попова, Крымская война стала в его карьере началом взлета. Асланбегов знал несколько иностранных языков, был блестящим оратором и неоднократно выступал в печати. Свою миссию командующего эскадрой он выполнял с большим чувством собственного достоинства, настаивая на соблюдении всех протокольных формальностей визита и в большом и в малом. К сожалению, его визит омрачился антирусской кампанией в австралийской печати, но об этом подробнее будет рассказано в нашем альманахе Александром Массовым.

В составе той же эскадры был молодой мичман Всеволод Федорович Руднев, человек по натуре веселый и любознательный. Он нашел свою славу много лет спустя во время русско-японской войны. В то время он командовал крейсером «Варяг», команда которого затопила его, отказавшись сдаться противнику. Героическая гибель «Варяга» стала символом стойкости и силы духа русского народа, преданного своим

коррумпированным правительством. Руднев последним сошел с корабля, но не погиб, и выйдя из плена, в 1909 г. опубликовал, на основе своих дневниковых записей, книгу о кругосветном плавании на «Африке».

Среди русских, посещавших Австралию самостоятельно, а иногда и надолго задерживавшихся в ней, тоже было немало ярких личностей. Например, в 1878-1880 гг. в Австралии гастролировала русская пианистка Ольга Дюбуан, которую австралийская публика очень тепло принимала. К сожалению, ее воспоминаний об Австралии обнаружить не удалось. Несколько раньше в Аделаиде жил некий русский, две содержательные статьи которого, подписанные псевдонимами «Д.» И «Т. G.», в начале 1871 г. были опубликованы в «Кронштадтском вестнике». Хотя автор и не раскрывает своего инкогнито, но по косвенным свидетельствам можно заключить, что это был человек с литературными способностями, в свое время поживший на русском Дальнем Востоке, — возможно бывший морской офицер с отставке, — состоятельный, вхожий в высшее колониальное общество, и, как кажется, довольно критично относящийся к австралийской жизни. Еще один наш соотечественник — Николай Николаевич Миклухо-Маклай — не нуждается в особых рекомендациях. В Австралию он впервые приехал в 1878 г. и с тех она надолго стала его вторым домом, здесь он и женился на австралийке Маргарет Робертсон, дочери бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса. Многосторонняя деятельность этого путешественника, этнографа, натуралиста, общественного деятеля, писателя способствовала взаимному знакомству русских и австралийцев. Хотя его дневник за австралийские годы не сохранился, Австралия неоднократно упоминается в его статьях и письмах.

Но я хотела бы подробнее остановиться на личности другого русского путешественника, имя которого ныне почти забыто, — Эдуарда Романовича Циммермана. Циммерман путешествовал очень много. Он посетил Европу и Северную Африку, Северную и Южную Америку, Австралию и острова Океании. Но странствия его — отнюдь не прихоть богатого человека, жаждущего экзотических впечатлений. Молодые годы будущего путешественника были полны испытаний и давали мало надежд на большой успех в жизни. Он родился в 1822 г. в Курской губернии в семье седельного мастера. Его отец, Р. И. Циммерман, ревельский гражданин, кочевал с семьей из одной помещичьей усадьбы в другую. Вскоре семья переехала в Москву, где отец надеялся наконец-то открыть собственное дело. Строгое лютеранское воспитание, которое юноша получил в семье, а затем в училище при немецкой церкви, а также врожденный порок — тугоухость, — отделявший его от сверстников, не замкнули его душу. Десятилетия спустя, когда он писал книги для детей, которые по праву можно назвать детской классикой путешествий, он помнил свое детство, полное пытливого интереса к миру, и вел беседу со своими юными читателями увлеченно и серьезно. В 1839 г. Э. Р. Циммерман поступил на математический факультет Московского университета. Смерть отца, так и не скопившего состояния, поставила юношу в тяжелое материальное положение — ему, как и многим студентам-разночинцам, пришлось зарабатывать на жизнь уроками. Его трудности усугублялись глухотой, из-за которой он не мог слушать лекции профессоров. Только благодаря настойчивости и трудолюбию Циммерману удалось окончить университет. И снова репетиторство и уроки. Но, видно, молва о нем как о способном и добросовестном педагоге сыграла свою роль, и в 1846 г. судьба его внезапно переменилась. Князь И. А. Хилков пригласил 24-летнего Циммермана в качестве наставника к двум своим сыновьям в имение Дубровка Тверской губернии. Многолетняя жизнь в семье образованных, состоятельных людей, возможности для чтения и самообразования расширили круг интересов молодого учителя. Тогда, по-видимому, сформировался и его интерес к организации землепользования и землевладения, который он пронес через всю жизнь.

Для своих подопечных Циммерман стал не только учителем, но и старшим товарищем, и неудивительно, что в 1857 г. один из них — князь М. И. Хилков (будущий министр путей сообщения и член Государственного совета) — пригласил его в путешествие по Северной Америке и Венесуэле. Эта поездка, продолжавшаяся больше года, определила дальнейший жизненный путь Циммермана. Журнал «Русский вестник» опубликовал цикл его путевых очерков. Затем последовало сотрудничество с газетой «Русские ведомости», где постоянно печатались его корреспонденции из Швейцарии и Франции. Новые путешествия — и новые очерки в газете «Русская летопись» и журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русская мысль», отдельные издания книг. Так и получилось, что этот скромный, степенный человек с пытливым и острым умом на протяжении четырех десятилетий знакомил русскую читающую публику с жизнью зарубежных стран.

В путевых очерках Циммерман не только излагал свои непосредственные впечатления, но и старался дать читателю максимум информации по каждому вопросу, используя для этого различные дополнительные источники. Он был поклонником западной цивилизации, его интересовали динамика развития человеческого общества, освоения им все новых и новых пространств, процессы, происходившие на стыке общества с традиционным жизненным укладом и молодым, капиталистическим. Постоянно держать руку на пульсе истории и было его главной страстью.

Во время кругосветного путешествия в 1881-1882 гг., которое Циммерман совершил уже на склоне жизни, в 60-летнем возрасте, его внимание привлекали именно молодые колонии — Австралия, Новая Зеландия, Новая Каледония, Гавайские острова. В Австралии Циммерман провел более двух месяцев, посетил крупнейшие города — Аделаиду, Мельбурн, Хобарт, Сидней — и совершил многочисленные поездки в глубь страны, насколько это позволяли тогдашние средства сообщения. Цикл его очерков об этом путешествии, напечатанный в «Отечественных записках» — это своего рода энциклопедия австралийской жизни начала 80-х годов XIX в. с экскурсами в историю колонизации пятого континента. Можно без преувеличения сказать, что

именно его очерки наряду с «Детьми капитана Гранта» Жюля Верна формировали представление об Австралии у русского читателя конца XIX в.

В другом ключе написаны воспоминания молодой путешественницы Софии Витковской, побывавшей в Австралии вместе со своим братом, военным юристом, Константином Витковским в 1896 г. София Витковская причисляла себя к плеяде туристов — путешественников новой волны, отправляющихся в путь, по ее словам, «исключительно ради собственного удовольствия, без определенной цели, без плана, без подготовки». Тем не менее, в отличие от множества подобных туристов, она сумела написать замечательную книгу о своем путешествии, пожелтевшие страницы которой и сегодня, сто лет спустя, читаются с огромным интересом.

Будущая путешественница родилась в 1871 г. в Петербурге в большой дружной семье военного инженера генерал-майора Василия Ивановича Витковского. Двое старших братьев Софии, Константин и Николай, пошли по стопам отца и стали военными, третий, Василий, стал известным ученым — геодезистом и астрономом, профессором, автором многочисленных книг, в том числе автобиографических записок «Пережитое». София, младшая в семье, была всеобщей любимицей. Их отец был широко образованным человеком, страстным любителем музыки и сам неплохо играл на скрипке. Когда старшие мальчики подросли, он осуществил свою давнюю мечту — создал семейный квартет, затем на фортепиано стали играть и дочери. По четвергам часто устраивались музыкальные вечера, на которых бывали известные музыканты и композиторы, в том числе Антон Рубинштейн и Генрик Венявский. Кстати, Константин, совершивший путешествие вместе с Софией, несмотря на военную профессию, в зрелые годы стал незаурядным музыкантом. София окончила с золотой медалью гимназию княгини Оболенской, одну из лучших в Петербурге, где она овладела несколькими иностранными языками, в частности английским. Наряду с музыкой она увлекалась ваянием, живописью, театром. В ней рано выработалась способность иметь обо всем собственное мнение, в то же время в ее восприятии окружающего мира было много юношеской непосредственности и искренности. О ее образованности и уме можно судить хотя бы по тому факту, что она оказала существенную помощь своему брату Василию в обработке его книг «За океан» (о путешествии в Америку), «Практическая геодезия» и «Топография». Однако из скромности она отказалась, чтобы брат печатно высказал ей благодарность. Забегая вперед, скажем, что петербургские старожилы помнят еще дом-дачу в Лесном со странной надписью по фасаду «Геодезія». Здесь в 1904 г поселился В. В. Витковский, и это место стало центром притяжения для многих его коллег и учеников. Бывала здесь и его любимая помощница София. В 1960-х годах дом был разрушен, однако до сих пор шумит аллея высоких тополей, посаженных Витковскими строго по направлению Пулковского меридиана — одно из последних мест старого Петербурга, которое еще помнит Софию Витковскую.

В 1895 г. безмятежная жизнь Софии нарушилась — один за другим умерли ее родители. Потеряв интерес к прежним занятиям, она тяжело переживала эту утрату. В этот момент и возник план путешествия в Австралию. В Петербург приехал ее старший брат Константин, служивший на Дальнем Востоке военным юристом. На этот раз он решил вернуться к месту своей службы через Австралию и уговорил сестру быть его спутницей. Никаких сложных формальностей в то время такая поездка не требовала — были бы деньги и желание, и после некоторого колебания София согласилась. Конечно, отправиться в такое дальнее и необыкновенное путешествие, «сдвинуться с привычного места» было трудно, но настроение ее определили слова И. А. Гончарова: «Жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями».

Итак, в 1896 г. София совершила кругосветное путешествие, проведя в Австралии около месяца и посетив Аделаиду, Мельбурн, Сидней, Голубые горы, остров Четверга и Дарвин. На протяжении всего путешествия София регулярно посылала своему брату Василию подробные письма-отчеты обо всем увиденном и пережитом. После возвращения домой по совету брата она решила на их основе подготовить книгу о своем путешествии. Однако неудачный брак, а затем трагическая смерть в 1906 г. не дали ей возможности довести до конца свое намерение. Лишь в 1914 г. В. Витковский, разбирая архив сестры, обнаружил черновую рукопись ее путевых заметок. Выполняя свой последний долг перед сестрой, он подготовил ее книгу к печати. В 1915 г., когда уже шла мировая война, а Россия вплотную приблизилась к грядущим социальным потрясениям, на прилавки книжных магазинов легла книга С. В. Витковской «Кругом земли. Путевые воспоминания», в которой все дышало безмятежностью последних лет XIX века. «Если что-нибудь может вознаградить недостаток обстоятельности и другие недочеты моих воспоминаний, — писала в предисловии сама путешественница, — то разве их искренность и правдивость: я описывала только то, и именно то, что видела собственными глазами». Действительно, повествование юной путешественницы магически переносит нас в прошлую эпоху, позволяет ощутить ее аромат, увидеть во всех подробностях, на которые другие часто просто не обращали внимания.

Все эти путешественники принадлежали к новому слою образованной либеральной интеллигенции, они были хорошо знакомы с социальными и культурными проблемами и России, и зарубежных стран и их отношение к Австралии может служить своеобразным зеркалом общественного мнения российской интеллигенции того времени.

Но была и еще одна особая группа русских, находившихся в Австралии, отношение которых к этой стране отражало взгляд официальной России. Это были русские консулы. Первые консульские представители Российской Империи были назначены в Мельбурн и в Сидней в марте 1857 г., ими стали местные австралийские коммерсанты Джеймс Деймион и Эдмунд Монсон Поль, занимавшие посты почетных вице-консулов. Надо сказать, что хотя нештатные консулы не получали никакого денежного содержания от русского

правительства и могли рассчитывать лишь на незначительный доход в виде консульских сборов, должность эта считалась престижной. Русский аделаидец-инкогнито, писавший под псевдонимом Д., ратуя в 1871 г. за создание русского консульства и в Южной Австралии, утверждал: «Я знаю некоторых из представительных личностей в городе, пользующихся всеобщим уважением и почетом, и уверен, что они за великую честь и счастье сочли бы без всяких субсидий со стороны русского правительства представлять такую великую нацию, как Россия, и с радостью заплатили бы 50 и даже 100 фунтов за форму, присвоенную этому званию, чтобы щеголять на балах и официальных собраниях у губернатора и при открытии парламента». Кстати, хотелось бы сказать несколько слов о первом нештатном консуле Деймионе, который, будучи англичанином, долгие годы верой и правдой служил России — своему второму отечеству. Он родился в 1812 году и в молодости отправился в Россию, где в течение многих лет служил в различных торговых домах, преимущественно на юге, в Одессе. Он «выучился по-русски, — рассказывал Циммерман, близко с ним сошедшийся во время своей поездки, —- поселясь на несколько месяцев в деревню на хлеба к одному из священников, предлагающих свои услуги для обучения иностранцев». В 1840-х гг. Деймион переехал в Австралию, открыл комиссионную торговлю и быстро разбогател, в 1857 г. он принял на себя обязанности русского нештатного консула и прослужил в этой должности 36 лет, не получая никакого содержания от России. Многие русские моряки и путешественники, побывавшие в Мельбурне, оставили в своих воспоминаниях немало добрых слов о нем. В частности он сыграл важную роль в защите доброго имени адмирала Асланбегова во время антирусской кампании 1882 г. Оказывал он помощь и эмигрантам из Российской империи, в основном финнам и полякам, которые, по словам газеты «Age», всегда находили в нем «a friend in need and a friend indeed». В 1892 г. в результате банковского кризиса Деймион совершенно разорился, и в последние годы своей жизни он оглох и очень бедствовал; известно, что в 1897 г., после прошения на имя царя, он получил единовременное пособие от России в размере 120 ф. ст.[5]

В 1894 г. на место Деймиона был прислан первый российский штатный консул Алексей Дмитриевич Путята. Репортер газеты «Эйдж» после беседы с ним пришел к выводу, что это «один из самых способных русских дипломатов». Путята родился в 1855 г. и происходил из древнего дворянского рода Смоленской губернии. Его отец служил военным губернатором Амурской губернии. Алексей Путята получил блестящее филологическое образование в Москве и в Берлине, и в 1885 г. поступил на русскую дипломатическую службу. Корреспондент «Эйдж» описывал его как «темноволосого джентльмена лет сорока, но кажущегося гораздо моложе своих лет. Он чрезвычайно любезен и принадлежит к числу литераторов, кроме того он владеет полудюжиной языков, включая, конечно, и английский». Кстати, перу Путяты принадлежит первый перевод на русский язык произведения австралийской литературы — этой чести удостоилось стихотворение Дугласа Слейдена. Среди его крупных литературных работ был перевод на русский язык с санскрита драмы Калидаса «Сакунтала». Но в то время как Путята рекомендовал себя как друга гуманиста Льва Толстого, он по своим политическим убеждениям был человеком консервативно-монархической и ура-патриотической ориентации.[6] Эта была скорее позиция официальной России, а не русской интеллигенции, к которой он стремился себя причислить.

«Я не знаю деревьев печальнее эвкалиптов…»

Во второй половине 19 века романтический образ Австралии — рая Южных морей, «царства вечной весны» — начал уходить в прошлое. Конечно, узкая полоска австралийского берега, замаячившего на горизонте, по-прежнему не оставляла русских равнодушными. Например, в 1888 г. на борту «Рынды» Федор Авелан и Михаил Путятин, не в первый раз посещавшие Австралию, «так много рассказывали о стране, что разожгли любопытство у всей команды, и когда, наконец, показался австралийский берег, все бросились к борту». То же чувство царило и на «Баварии», на которой София Витковская приехала в Австралию: «Легко представить себе, какой радостный переполох вызвали в среде пассажиров слова: "видна земля"! Все выбежали на палубу и жадно стали всматриваться в горизонт, в туманной дымке которого чуть выступала серенькая полоска; то был *австралийский берег*!». В то же время реакция Эдуарда Циммермана в 1881 г. была совсем будничной: «На тринадцатый день … мы с палубы завидели, наконец, песчаные берега Западной Австралии». В том же сдержанном тоне написаны воспоминания и многих моряков, не говоря уже о сухих рапортах командиров, которые, как кажется, при описании подхода к берегам Австралии были озабочены только одним — как отчитаться в рапорте в Морское министерство о том, почему, подходя к австралийскому берегу, они вынуждены были развести пары и израсходовать уголь.

Пожалуй, только София Витковская и ее брат Константин имели до приезда в Австралию восторженное мнение о ней, как о «желанной стране». «В морозный вечер 6-го января 1896 г. мы целой толпой вышли на подъезд и стали нанимать извозчиков. ... Большинство были провожающие, но двое, мой брат и я, ехали в Австралию. Не в Москву, не в Крым, нет, даже не в Париж. *В Австралию!*» — так, полная грядущей встречи с Австралией, начинает София свое повествование. Австралия «давно привлекала помыслы» и Константина, заядлого путешественника, исколесившего Россию, Запад и Восток. А сама юная путешественница бесхитростно признается: «До сих пор я почему-то не могла себе представить, что я попаду, наконец, в Австралию». Но это был скорее образ страны за пределами реальности, характерный для русского восприятия Австралии.[7]

В целом же чувствуется, что в Австралию пришло другое поколение русских путешественников, и пришло оно уже не из мира парусников, а из мира паровых кораблей, паровозов, телеграфа, из мира, в котором изменились представления о расстояниях и сами путешествия стали более предсказуемыми и будничными. Изменилось и пространственное восприятие земли. И поскольку теперь русские не ограничиваются лишь знакомством с побережьем вокруг Порт-Джексона, а совершают поездки во внутренние районы различных австралийских колоний, в корне меняется и их представление об австралийской земле и природе. Навсегда в прошлое уходят «благовонные рощицы» Алексея Российского (1814), теперь их место заняли чуждые русскому глазу эвкалиптовые леса. Пожалуй, никто из русских путешественников этой волны не оценил своеобразной суровой красоты эвкалиптового леса, да и всей австралийской флоры в целом. Напротив, теперь русские, описывая австралийскую природу, казалось, использовали все богатство отрицательных эпитетов: «Что за унылый вид представляют эвкалипты, все равно, стоят ли они по одиночке или сплотившись в леса. Светло-бурая кора лупится и висящие клочья, словно грязное тряпье, окружают голый ствол», передает Циммерман свои первые впечатления. И далее в описаниях австралийского пейзажа у него постоянно присутствуют «мрачные», «невеселые», «наводящие уныние на душу» леса эвкалиптов, зеленовато-пепельные «сумрачные» казуарины. И он, и Всеволод Руднев с «Африки» пишут о «шероховатой, тусклой траве». Даже природу Тасмании, с ее более влажным климатом, адмирал Аврамий Асланбегов характеризует как «мрачную и унылую». Не отстает от них и Витковская: «Я не знаю деревьев печальнее эвкалиптов… Свешивающиеся вдоль ствола клочья [коры] придают дереву самый жалкий, нищенский вид. … Такой лес прозрачен, дает мало тени, печален и очень некрасив». И далее у нее снова и снова мелькают эпитеты печальный, унылый, грустный, жалкий, однообразный.[8]

Даже австралийские «красоты» оставляют русских в те годы равнодушными. «Не отличаясь богатством растительности, Голубые или Синие горы все-таки дают красивую панораму» — это было все, что нашел нужным сказать о них Руднев. «В стране, бедной поражающими взоры чудесами природы, пользуются на такой конец всякою хоть сколько-нибудь выдающеюся возвышенностью, всяким водопадиком или иным феноменом, лишь бы иметь повод к странствиям», пишет Циммерман. Витковская еще более критична: «"Достопримечательности" [Катумбы] были ничтожны, чтобы не сказать жалки. Крошечные до смешного водопадики, какие бывают десятками на любом ручье, могут вызвать восхищение разве только самих австралийцев, да и то потому, что это свое, родное; у нас бы не решились печатно зазывать смотреть такие "чудеса"».

Несомненно, что в неприятии австралийского пейзажа русские выражали приверженность к стереотипам, свойственным всем европейцам. Но именно русские, как кажется, особенно остро чувствовали контраст между русским лесом и лугом — и всей цепью связанных с ними культурных и фольклорных ассоциаций — и австралийским бушем. В русском восприятии лес — это тенистые дубравы или светлые, наполненные игрой солнечных бликов березовые рощи. В ту же систему образов входит поляна или луг с мягкой травой-муравой, усеянной цветами. Явно под влиянием этих ассоциаций Циммерман пишет об Австралии: «здешний луг не веселит взора подобно нашему ярко-зеленому бархатистому дерну».

Очевидно, что природа юго-восточной Австралии, контрастируя с русской природой, в то же время «недотягивала» до того романтического образа «дикой» природы, которую русские ожидали найти здесь. Этот феномен может объяснить казалось бы явное противоречие, которое мы наблюдаем у Витковской. После первого знакомства с Австралией, происшедшим в Аделаиде, она пишет с явным разочарованием: «Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город, как город и люди, как люди, только растительность отчасти нова. Я подумала тут, насколько любопытнее дикие страны, … где не природа покорена человеком, а человек подчиняется природе, бессильный перед ее мощью! … Посмотреть приятно на свободную природу, как на нечто новое и непривычное, как на полную противоположность тому, что с детства стояло перед глазами». Но несколько дней спустя, отправившись на поезде в Голубые горы, она, как кажется, везет с собой весь груз своих традиционных привязанностей, радуясь не дикой природе, а тому, что привнесено в нее человеком: «Из окна вагона мы сперва любовались лугами, полями, фермами и городками, но они скоро уступили место печальным порослям на склонах невысоких гор. Все кругом стало однообразно и довольно уныло и редко попадался уголок, на котором глаз мог бы остановиться с удовольствием». Эту жажду дикого, экзотичного лучше всего могли удовлетворить только австралийские тропики. И действительно, Витковская «после длинного ряда прозаически-будничных впечатлений» почувствовала «себя вольно среди вольной природы», ощутила ее поэзию, лишь в тропическом Дарвине.

Даже климат Австралии, который заслужил все превосходные эпитеты русских моряков первой половины 19 века, уже не вызывает такого безоговорочного восхищения. Судовой врач «Светланы» в 1862 г. описывает, например, нестерпимую жару в Мельбурне: «Поднятая при сильных порывах ветра пыль положительно жжет лицо до боли; дыхание становится трудным, голова делается тяжелою, а наружные покровы как будто подвержены влиянию жара перед открытой печью». Витковская, напротив, живописует сильный холод, который им пришлось испытать при поездке в горы.

И даже австралийское звездное небо, о котором так поэтически писал Иван Симонов в начале века, теперь не вызывает восторга у Витковской: «Четыре главные звезды [Южного Креста] составляют неправильный четырехугольник, который только при помощи воображения можно признать крестом; размеры

четырехугольника незначительны… По сравнению с нашим, картина южного неба показалась мне, вообще, беднее яркими звездами».[9]

Сравнивая скепсис русских путешественников со своими собственными впечатлениями от тех же мест и явлений сто лет спустя, я должна признать, что меня, как и многих других нынешних туристов, природа нетропической Австралии покорила с первого взгляда. Происходит это вследствие того, что за последнее столетие австралийская культура — фольклор, литература, живопись, этнография, история — наработала тот пласт ассоциаций, который уже делает австралийский пейзаж феноменом культуры, позволяет наслаждаться им как некой самоценностью, которая может быть столь же привлекательна и интересна как природа тропиков или европейские леса. Благодаря этому мы видим не просто своеобразную красоту в том, что казалось прежде унылым и однообразным; теперь пейзаж насыщен для нас множеством ассоциаций — литературных, художественных, исторических.

Итак, австралийская природа больше не привлекала русских, как в былые времена; очарование первого знакомства если и не исчезло совсем, то отступило на задний план. На первый же план все больше выходило другое — экономическая, политическая и социальная жизнь молодых колоний, и их сравнение с Россией.

«…народонаселение имеет тут свое отечество»

Теперь настало время проверить те блестящие прогнозы развития австралийских колоний, что делались русскими в начале века. И новое поколение русских, пришедшее в Австралию в середине девятнадцатого века, обнаружило по существу совсем другую страну, в чем-то обогнавшую даже самые смелые прогнозы, в чем-то развивающуюся именно по предсказанному пути, а в чем-то стоящую перед такими проблемами, которые трудно было предвидеть в начале века. Осмысляя развитие австралийских колоний русские теперь особенно интересовались принципами, согласно которым велась английская колонизация Австралии, ее историей. Свидетельством русского интереса к этой теме был оперативный перевод на русский язык таких известных книг как «Пятьдесят лет общественной деятельности в Австралии» (1894) австралийского политика Генри Паркса, «Колонизация у новейших народов» (1877) французского экономиста Поля Леруа-Болье, «Новые англосаксонские общества» (1898) его сына, историка, Пьера Леруа-Болье, который побывал в Австралии в 1890-х гг. Русский читатель мог познакомиться и с главами или обзорами таких работ как «Земля, труд и золото» британского путешественника в Австралию Уильяма Хауитта; «Виктория и австралийские золотые прииски» и «История Нового Южного Уэльса» журналиста и историка Родерика Фланагана; «Великая Британия: отчет о путешествиях в англоязычных странах в 1866-7 годах» английского политика Чарльза Уинтворта Дилка, а также с популярными очерками, рассчитанными на подростков и любителей приключений. Но теперь даже в переводных и компилятивных работах все чаще слышится голос русского публикатора. В то же время начинают появляться и первые оригинальные русские исследования и очерки об Австралии.

Характерной чертой большинства русских публикаций и комментариев является некритичность, доходящая до полной восторженности в оценке событий австралийской истории. Эта история видится как целая цепь удачного стечения обстоятельств — сначала благоприятные условия для скотоводства, затем открытие золота, и наконец осуществление самоуправления и проведение успешных социально-экономических экспериментов. Исходя из настоящего авторы предрекают Австралии блестящие перспективы и в будущем: «Виктория … составляет бесспорно зародыш великого государства»; «Здесь возникает новая Америка»; «Здесь едва ли не успешнее, чем где-либо, совершился тяжелый труд колонизации»; «Неимоверные успехи … Страна совершенно преобразилась как бы чудом»[10]. Александр Герцен, один из первых русских политэмигрантов, взгляды которого были близки и другим русским, интересовавшимся западным обществом, в своих статьях 1850-60-х гг. критиковал пороки Старого Света и восхищался австралийскими колониями, где «гражданственность складывается совсем на иной лад», и где достигается многое из того, чего невозможно было достичь в Англии.[11]

Русские пытались интерпретировать по-своему историю колонизации Австралии и, исходя из ее особенностей, обнаружить те принципы, по которым она осуществлялась. Они хорошо видели различия между несколькими моделями австралийской колонизации — ссыльной, сменившейся затем свободной иммиграцией в Новом Южном Уэльсе и Тасмании; «бумажной», спекуляторской, построенной по системе Эд. Уэйкфилда в Южной Австралии и на Северной территории; и, наконец, свободной массовой иммиграцией в Виктории и Квинсленде. (Западная Австралия совмещала первый и второй типы).

Особенно интересовала русских колонизация австралийских земель посредством ссылки. Надо ли говорить, как актуальна эта тема была для самой России, осваивавшей огромные пространства Севера, Сибири и Дальнего Востока при содействии ссылки и каторги. Австралийская ссылка не пользовалась теперь столь безоговорочным одобрением русских, как в начале века. Начиная с 1880-х гг. она привлекла внимание русских историков И. Я. Фойницкого, В. А. Соллогуба, М. А. Филиппова, Г. С. Фельдштейна, которые рассматривали ее в мировом контексте. Авторы воспринимали ее как явление своевременное, модифицирующееся в связи с меняющимися условиями австралийских колоний, и устраненное правительством именно тогда, когда в этом возникла необходимость, а потому положительное.

Любопытно, что хотя они и находили пороки в самой идее ссылки или в эффективности ее воспитательной или наказующей функции, они все единодушно одобряли ту положительную роль, которую она сыграла в колонизации Австралии. В их представлении благоприятное стечение обстоятельств — хороший климат и плодородные почвы — было дополнено здесь таким важным для русских фактором как отсутствие злоупотребления властью со стороны британских и местных властей, а это в конечном итоге оправдывало и саму идею ссылки. Например, Фойницкий писал в 1881 г.: «Те многообразные, до конца доведенные формы, которые [австралийская ссылка] прошла в своем историческом развитии; та энергия, которая положена была и центральным и местным правительством на дело штрафной колонизации; наконец, блестящие и быстрые результаты, достигнутые в этой новой части света, — сообщают страницам австралийской ссылки высокое значение». Напротив, авторы, писавшие популярные брошюры об Австралии для народного чтения, к ссылке относились более критично, но это объяснялось скорее англофобией, а не анализом реального состояния дел. Так, М. Черняева в своей популярной книге «Рассказы об Австралии и австралийцах» (1896) заявляла: «Англичанам лишь бы от преступников избавиться, а о людях правительство не думает». По ее убеждению правительство «вовсе не старалось о том, чтобы исправить и улучшить сосланных преступников. И при этом сколько еще разных несправедливостей со стороны начальства приходилось иногда переносить ссыльным».[12]

Отношение к ссылке у русских, побывавших в Австралии, было, как кажется, более объективным. Циммерман, хоть и не одобрял социальный строй, порождающий преступников, видел положительные стороны австралийской ссылки в том, что здесь «большая часть конвиктов … благодаря иным социальным условиям нашли средства достичь законными путями высокого благосостояния». Он отдавал должное тому, что именно трудом ссыльных создано богатство колоний. Однако, побывав на Тасмании, где ссылка оказала особенно сильное влияние на экономику, он утратил оптимизм и прямо заявил, что тасманийское общество своим благосостоянием обязано не «настойчивому трудолюбию … вольных переселенцев», но неограниченному использованию «плодов преступления», эксплуатации почти рабского труда заключенных. Он также отмечал, что «администрация обращалась с ссыльными с таким жестокосердием, что последние нередко совершали новые преступления, лишь бы подвергнуться смертной казни и таким путем избавиться от нестерпимых жестокостей». Интересно, что Циммерман прямо писал, что у англичан со словом «Ботани-Бэй» ассоциируются «такие же наводящие ужас понятия, как у нас с именем Сибири».[13]

Колонии, где колонизация осуществлялась по системе Эд. Уэйкфилда — а этот английский теоретик колонизации интересовал не только Карла Маркса, который посвятил ему целую главу в «Капитале» (памятном многим из нас!), но и русских — вызывали единодушную критику у русских путешественников, увидевших практические последствия этой теории на австралийской земле. Циммерман описывал такую «бумажную» колонизацию в двух колониях — Южной Австралии и Западной Австралии. В его рассказе о последней звучит явная насмешка над английскими манерами и методами колонизации: «Со свойственной англичанам решительностью … переселенцы снарядились в дальний путь так, как вообще англичане любят снаряжаться, перенося с собою в новый край все свои обычаи и житейские привычки… Собрались словно на пикник». западноавстралийский тип колонизации «посредством раздачи крупных участков лицам, по их профессии не имеющим никакого прямого отношения к землевладению», Циммерман считал «самым безуспешным и всего менее целесообразным» методом, причем он проводил здесь аналогию с русским обществом, где по существу, хоть и без теории Уэйкфилда, происходило нечто подобное. Он продолжает ту же тему и в очерке об истории колонизации Южной Австралии, противопоставляя американскую и южноавстралийские модели. В Америке он видит осуществление на практике демократической идеи: «владеть землей имеет право лишь тот, кто возделывает ее», в то время как в Южной Австралии система Уэйкфилда действовала, по его мнению, «в угоду достаточного класса» и являлась аристократической или буржуазной. Кроме того он противопоставляет и сам дух американского и южноавстралийского общества: в то время как американские пуритане сжигали за собой корабли и начинали трудовую жизнь в соответствии со своими убеждениями, в Южную Австралию «никто не переселялся по нужде или вследствие гонений и никто не думал порвать связь с родиной», переселение здесь было «делом чистой спекуляции вследствие гоньбы за наживой».

Аналогично, в 1871 г. и T. G., русский-инкогнито, живущий в Аделаиде, критиковал «бумажную», спекулятивную колонизацию Северной Территории. «Про Северную область звонят во все колокола. … [Это] животрепещущий современный вопрос в Австралии. Немудрено. Потратили деньги и наделали долгов, а чем платить их?» саркастически спрашивал он. Побывав сам в Порт-Дарвине с одной из первых партий колонистов, он выделяет главную проблему: «Кто будет работать?», утверждая, что «придется положить еще не одну сотню тысяч фунтов, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из этой страны». Любопытно, что здесь он проводил параллель с русской колонизацией Дальнего Востока, с которой он был, очевидно, хорошо знаком: «Хотя мы, русские, и не совсем-то хорошие колонизаторы, но, по моему крайнему разумению, наши приемы, или, по крайней мере, намерения … при колонизации Амурского края были получше приемов патентованных колонизаторов австралийских колоний английского произведения». Хотя его критика этого раннего неудачного земельного бума на Северной Территории и была верной, характерно, что причины неудач он видит, как и Циммерман, в натуре самих англичан, а не в экономической теории, которой были вызваны эти земельные спекуляции.[14]

Но тон русских совершенно менялся, когда речь заходила о Виктории. Русское знакомство с ней произошло в 1862 и 1863 гг., когда молодую колонию посетили русские корабли «Светлана» и «Богатырь».

Отчеты участников этих плаваний по духу и общей тональности напоминают восторженные отзывы русских о Сиднее в начале 19 века, правда теперь они не только восторгаются увиденным, но и пытаются делать более широкие обобщения, ищут причины успеха. Адмирал Попов в 1863 г. писал, что две недели, проведенные им в Мельбурне, были недостаточны, и они могли бы с не меньшей пользой провести там еще две или три недели. Он подчеркивал, что «баснословный успех» колонии не случаен и объясняется системой, которой руководствуются колониальные правительства Австралии. «Юное, полное кипучей жизни общество», представшее взгляду русских, отнюдь не казалось им хаотичным, но виделось как система, функционирующая по определенным законам. Муханов отмечает, что «в колонии происходит благодетельный и весьма естественный переворот: первое лихорадочное … увлечение уступает место благоразумному и твердому гражданскому устройству во всех его подробностях и оттенках». Причину успеха он видит именно в естественности и внутренней потребности этого процесса: пришельцы, хлынувшие в колонию за золотом, «свыклись с новой страной, связали себя в нею недвижимой собственностью и семейством и подчинились новому порядку, который сами создали для взаимной пользы». И, подводя итог этому процессу, он заключает: «Создалось общество». Русские подчеркивали положительную роль, которую играло правительство в этом процессе. Так, Попов пишет о «заботливости правительства о всевозможном облегчении внутреннего развития», подчеркивает, «каким разумным путем идет развитие этого края». Это почти дословно перекликается с наблюдением Завалишина, сделанным почти за 40 лет до Попова. Завалишин, как мы помним, восхищался местным «начальством», которое «не стесняет и не эксплуатирует, а ограждает и содействует». Русская печать тоже одобрительно писала о роли правительственных учреждений и особенно самоуправления в деле колонизации Австралии.

Русские пытались уловить и внутренние черты самого общества, которые делали возможным такое успешное развитие. И вновь, как и в начале века, они обращают особое внимание на чувство хозяина, присущее колонистам. Попов считал австралийские города, и особенно Мельбурн, отличными от других новых поселений на Тихом океане, «которые строятся на живую руку, чтобы только удовлетворить насущные потребности народонаселения, сбежавшегося на минуту схватить как можно больше денег и с ними как можно скорее воротиться домой». В Мельбурне же Попов обнаружил совсем другое «там всюду видится, что это народонаселение имеет тут свое отечество». Другой русский офицер в 1862 г. подчеркивал, что в Виктории «ничто не делается кое-как — все фундаментально и по самым новейшим планам, театры, клубы, госпитали, богадельни». Его явно преувеличенное утверждение «Города в окрестностях мин [золотых приисков] не уступают ни в чем самым изящным уголкам Европы», объясняется, по-видимому, обнаруженным русскими фактом, что даже юные города в Австралии давали жителям не только крышу над головой, но и все необходимые институты для «здоровой, деятельной, полезной и приятной жизни». Попов приводит конкретный пример этого: «Мельбурн существует не более двенадцати лет и уже голая местность, которую он занимает, покрыта садами, парками! … Всякое сравнение в этом отношении очень не в пользу нашу», заключает он, подчеркивая, что в России недостаток зелени в городах объясняется безразличием к озеленению со стороны частных лиц. Обращают внимание русские и на то, сколь оперативно колонисты заимствуют из Европы все новейшие достижения цивилизации: «Все, что есть новейшего — здесь в действии».[15]

Характерно, что и стереотип «англичанина» интерпретировался русскими путешественниками в соответствии с особенностями того или иного типа колонизации в австралийских колониях. В некоторых случаях, например, когда они писали о Южной Австралии, на первый план выступали негативные черты этого стереотипа, такие как страсть к наживе, консерватизм и сословное высокомерие. В других случаях, как в Виктории или Новом Южном Уэльсе, они подчеркивали такие позитивные черты как трудолюбие, предприимчивость, любовь к демократии. Циммерман, например, восхищаясь энергией и предприимчивостью населения, делал общие выводы о «колонизаторском даре англичан, не останавливающихся ни перед какими физическими препятствиями и пускающих глубокие корни в свих рассыпанных по всем частям света колониях».[16] Русская печать, напротив, редко проводила различия между особенностями различных колоний и единодушно писала о «колонизационном гении» «предприимчивых», «неутомимых», «энергичных» англичан. Анонимный русский автор, выступавший на страницах «Морского сборника» в 1861 г., видел квинтэссенцию этого образа в том, что англичане, поддерживая «любовь к порядку и повиновению законам», в то же время питают «глубокую привязанность к свободе».[17] Очевидно эти стереотипные положительные черты «англичан» в Австралии были отмечены русскими не случайно, а по контрасту с этническим стереотипом своего собственного народа.

«Место особой важности»

Оценки, даваемые теперь русскими состоянию австралийской экономики, не были столь единодушными, как у первой плеяды моряков; зачастую они критичны и имеют более широкий временной и пространственный охват, причем русские часто пытаются найти движущие силы экономического развития. Однако чувство удивления перед контрастом «пустыня — цивилизация», которое испытывали в Австралии ранние путешественники, часто охватывало русских и теперь. Вильгельм Линден сказал об этом так: «На месте пустынь выросли цветущие города».[18]

Открытие золота в Австралии произвело на русских большое впечатление. Кстати, Россия сыграла свою роль в открытии австралийского золота. Еще в 1820 г., во время пребывания в Австралии кораблей «Открытие» и «Благонамеренный», натуралист Федор Штейн обнаружил следы золота в Голубых горах. В 1844 г. английский географ Родерик Мурчисон после посещения Урала сравнил свои наблюдения относительно их геологического строения с данными об австралийских горах, собранными польским исследователем Павлом Стшелецким. Геологическое сходство Уральских гор, богатых и золотом и другими минералами, и австралийских и позволило Мурчисону сделать предсказание о том, что в Австралии можно ожидать открытия золотоносных жил. Любопытно, что два года спустя полковник Гельмерсен, член Санкт-Петербургской академии наук, пришел к аналогичному выводу независимо от Мурчисона.[19]

Отношение русских к развитию австралийской золотопромышленности отражает некоторые характерные особенности русского менталитета. В 1863 г. адмирал Попов, обнаружив в одном из мельбурнских музеев «прекрасные модели разных машин, которые употребляются нашими сибирскими золотопромышленниками, с подробным объяснением всех выгод и неудобств каждой», с удивлением отмечал: «Большая часть здешних жителей, как и вообще англичан, не знает — есть ли у нас литература, и даже не уверены, что мы христиане, но машины наши применяют к своим потребностям чуть ли не с большею выгодою, чем сами изобретатели». Однако к концу века роли переменились. В 1880-1890-х гг. по крайней мере четверо русских горных инженеров — М. Шостак, Л. А. Перре, С. Кенигсберг и В. Реутовский — посетили Австралию и опубликовали свои отчеты. После публикации книги Перре «Золотопромышленность Австралии, Тасмании и Новой Зеландии» на страницах русской печати развернулась полемика. Один рецензент, противопоставляя постоянно совершенствующуюся австралийскую технологию и неподвижную, закоснелую, расточительную русскую золотопромышленность, утверждал, что русским следовало бы «многому поучиться» у австралийцев в области золотодобычи, заимствовать их методы и оборудование. Другой рецензент вторил ему, добавляя, что русские золотопромышленники, мало заботясь об усовершенствовании технологии, получают прибыль за счет усиления эксплуатации рабочих. Реакция на такую «непатриотическую» критику не заставила себя долго ждать. А. Кирхнер и З. Макарушкин выступили в «Амурской газете» с язвительной статьей «Чему нам учиться у золотопромышленников Австралии, Тасмании и Новой Зеландии?», в которой утверждали, что австралийские усовершенствования России ни к чему — у нас, мол, свои специфические условия — вечная мерзлота, долгие зимы, да и дороги плохие, заморскую машину по ним все равно не довезешь, обойдется Россия и своим опытом. И наконец редакция газеты в своем комментарии попыталась примирить два подхода к австралийскому опыту, соглашаясь, что кое-чему можно поучиться и у австралийцев, но, конечно, далеко не всему.[20] В этом частном случае, как в капле воды, отразилась ситуация, когда самодовольно-патриотическая ментальность, зачастую присущая русским, препятствовала развитию широких технико-экономических контактов между Россией и Австралией; причем даже высокая оценка, которую давали австралийским техническим достижениям русские специалисты и путешественники, была не с силах изменить ситуацию.

Русские моряки, посетившие Викторию в начале 1860-х гг., первыми создали образ Австралии как страны передовой техники. Они описывали современное оборудование и на золотых приисках, и в портах, писали о системе превосходных шоссе и железных дорог, начинавшихся прямо от причалов или шахт, о достижениях в области почтово-телеграфной связи. Адмиралу Попову австралийская техника показалась даже более совершенной, чем хорошо знакомая ему европейская. «Со своими европейскими понятиями я никак не мог вообразить, чтобы таких размеров эллинги можно было построить без молов», с удивлением писал он о новом проекте в Мельбурнском порту. Судовой врач Карл Тимрот уже в 1863 г. утверждал, что «фабрики и заводы в последнее время процветают и их произведения начинают в качестве и цене соперничать с привозимыми из Англии». Возможно, что столь восторженные отзывы были вызваны не только реальными успехами колонии, но и архетипической оппозицией «пустыня — цивилизация», которая здесь, вследствие юности Виктории, была особенно очевидна.[21]

Говоря о развитии австралийской обрабатывающей промышленности, русские путешественники обратили внимание на одну любопытную особенность — отношение местного населения к товарам, импортированным из Англии. Циммерман в 1881 г. отмечал, что колонисты, в том числе и наемные рабочие, поддерживают политику протекционизма и мирятся с вызванным этим некоторым повышением стоимости импортируемых товаров, т.к. полагают, что это будет способствовать развитию местной обрабатывающей промышленности, а следовательно и повышению зарплаты рабочих. Любовь к старой родине, Великобритании, уступает в этом случае «туземному патриотизму», заключает Циммерман и делится своими наблюдениями о том, что в магазинах ему нередко доводилось видеть таблички под некоторыми товарами «Колониальное изделие» «Наше собственное изделие». Покупатели, по его наблюдениям, охотнее покупают такие изделия, хотя они и не дешевле импортных. Не удивительно, что такой патриотизм удивил русского путешественника, т.к. в России в то время часто бывало наоборот — отечественный товар торговцы пытались сбыть под видом иностранного.

А вот Витковская в 1896 г. заметила прямо противоположную тенденцию: «В магазинах готового платья и обуви очень настойчиво бросались в глаза заявления, что вещи получены из Лондона … Я видела в окнах сапожных магазинов какую-нибудь пару сапог или башмаков, выставленную отдельно, посередине, с горделивою надписью: «только что прибыла из Лондона». … А каковы эти товары? Все, не находящее сбыта в

Англии, сплавляется в колонии». Витковская полагала, что в этом проявлялась целенаправленная политика Англии, не желающей развития обрабатывающей промышленности колоний, т. к. в конечном итоге это могло бы привести к их самостоятельности и независимости. Такая полярность в наблюдениях Циммермана и Витковской вполне объяснима. Несомненно, что в австралийском обществе конца прошлого века уживались обе тенденции — гордость своим собственным и престижность привозного товара, — как уживаются они и сейчас, а наблюдатель, в силу своих установок, замечал ту или иную из них. При общем для обоих путешественников критическом отношении к Англии, Циммерман, более чем Витковская, был склонен видеть ростки самостоятельности у австралийцев.[22]

Но все же, несмотря на первые успехи промышленности, Австралия оставалась преимущественно аграрной страной, и состояние ее сельского хозяйства живо интересовало русских, хотя их оценки часто диаметрально расходились. Лишь Виктория неизменно производила на них благоприятное впечатление. Дмитрий Мерцалов, судовой врач «Светланы», писал после захода в Мельбурн в 1862 г.: «Не только на востоке, но и в самой Европе не много таких мест, где бы так хорошо удовлетворялись [потребности приходящих судов]. … Что касается мяса, то разве только Англия может соперничать с Мельбурном». Отдавали должное мельбурнскому изобилию и судовые врачи других русских кораблей. Интересно, что достижения австралийского скотоводства привлекли внимание и матросов — в большинстве своем бывших крестьян. Журналист В. Марков сделал зарисовку такой живой сценки, замеченной им на пристани в Кронштадте. Вокруг матроса «Светланы», вернувшейся из плавания, собрался кружок слушателей, которым он рассказывал: «В Австралии … насчет говядины ужасно хорошо, затем, что скотине приволье: нутренность острова — преужасные пустыни с преотличною травою. … Быков там на «Светлану» брали; так это с быка двадцать восемь пудов говядины вырезали».[23] Относительно веса быков матрос, конечно, малость прихвастнул, но это и характерно для того образа Австралии как изобильной страны, которой получил широкое распространение среди народных масс в России несколько десятилетий спустя, а сейчас только начинал формироваться.

Отношение к Тасмании у русских было отнюдь не столь радужным. В. Линдену во время посещения этого острова на «Боярине» в 1870 г. показалось, что хозяйство здесь находится в застое, и причину этого он видел в наследии ссылки. Молодая колония, вместо того, чтобы полагаться на свои собственные силы, привыкла пользоваться субсидиями метрополии и дешевым трудом заключенных. Это, в свою очередь, вело к применению малоэффективных, хищнических методов хозяйствования, когда колонисты не обращали внимания на истощение почвы, не стремились заводить сельскохозяйственные машины и прогрессивные формы труда. Положение не изменилось и к 1881 г., когда на Тасмании побывал Циммерман. «Нигде не встречали мы новых поселений, какие возникают обыкновенно в молодом крае по линии железной дороги… — писал он. — Нередко встречаются ветхие и развалившиеся строения, фермы, покинутые хозяевами, находившими убыточным возделывать землю наемными рабочими» после отмены ссылки. Вывод его был неутешительным: «Прекрасный по естественным свойствам край, в котором выморили дотла бывшее туземное население, влачит теперь сонливую, малопроизводительную жизнь, подобно разорившемуся плантатору, у которого отобрали невольников».[24]

К состоянию хозяйства Южной Австралии русские относились по-разному. Т. G. язвительно писал в 1871 г.: «Южная Австралия … существует земледелием и овцеводством, и это, кажется, самая несчастная из австралийских колоний, которая в настоящее время с своей пшеницей … не знает, что делать, и кормит на досуге свиней (не смейтесь — правда!)». Русский читатель, конечно, мог только горько улыбнуться — пшеничный хлеб в России был роскошью. Т. G. был уверен, что только мощный стимул вроде добычи золота может помочь развитию экономики колонии. А вот судовой врач Гавриил Богословский, очевидно сторонник аграрного развития, о той же Южной Австралии в 1882 г. писал прямо противоположное: «Это самая плодовитая и производительная колония».[25]

Русские моряки, конечно, не могли из-за кратковременности своих визитов глубоко разобраться в состоянии австралийского сельского хозяйства. А между тем тема эта представляла большой интерес для России, с ее вечными проблемами землевладения и землепользования. Циммерман, пожалуй, был единственным из русских путешественников, кто издавна интересовался этим вопросом — он хорошо знал реалии и проблемы русской дореформенной и пореформенной деревни, проведя детство в переездах из одной помещичьей усадьбы в другую, а в молодости работая в богатом помещичьем имении учителем. За несколько лет до путешествия в Австралию он детально познакомился с историей и состоянием сельского хозяйства в США. Будучи в Австралии он совершил ряд поездок во внутренние районы Южной Австралии, Виктории, Нового Южного Уэльса, Тасмании, чтобы самому разобраться, как решается здесь земельный вопрос.

Циммерман первым среди русских авторов четко обрисовал антагонизм, существующий между скотоводами-скваттерами и земледельцами-селекторами в Австралии. Он, кстати, обратил внимание на коренные различия между австралийскими и американскими скваттерами. Американский скваттер, по мнению Циммермана, это «своего рода кочующий хлебопашец», «настоящий пионер земледельческой культуры», «демократ в самом широком значении этого слова»; австралийским же скваттером «может быть только человек, обладающий достаточным капиталом»; и в Австралии, в «молодой стране, где не успела еще сложиться родовая аристократия», они «играют роль настоящих аристократов». Циммерман пишет о противодействии австралийских скваттеров развитию мелкого фермерского хозяйства, причем несомненно, что все симпатии самого Циммермана были на стороне фермеров-селекторов, «хлебопашцев», как он их называет. Он знакомит

русских читателей с правительственными мерами, направленными на защиту селекторов и от земельных монополистов-скваттеров, и от земельных спекулянтов.

Посещая австралийскую глубинку, Циммерман знакомился с жизнью австралийских фермеров без прикрас и видел все тяготы, выпадающие на их долю, он видел как первопоселенцы корчуют первобытные леса эвкалиптов, живут с семьями в хижинах, а то и в палатках. В окрестностях Танунды, в Южной Австралии, он встретил более давнее поселение «хлебопашцев», напомнившее ему украинскую деревню (возможно это были силезские иммигранты славянского происхождения). И, несмотря на трудности, он был готов разделить оптимизм фермеров — как только они выплатят ссуду за участок, «они не будут знать ни налогов, ни рекрутчины и никаких стеснений, которыми были обременены на дальней родине и, возделывая свои поля, они всегда уверены, что плоды их тяжкого труда вполне останутся неотъемлемо за ними». Несомненно, что тут между строк об австралийских фермерах звучит мысль о бесправном русском мужике… Но, описывая сельские типы, Циммерман отнюдь не приукрашал действительность. Так, изучая одинокую жизнь наемных пастухов, с которыми встречался на овцеводческих станциях, он обнаружил, что скваттеры вербуют этих людей из самого бедного населения в Европе, а у себя на станции умеют поставить дело так, что «овчар» оказывается как бы навсегда прикрепощенным к станции и окончательно дичает и тупеет. «При встрече с пастухами трудно бывало разобрать, довольны ли они своим положением или нет? Апатия их, казалось мне, доходит до такой степени, что они и сами не в состоянии дать себе отчет в этом отношении». И опять он, кажется, думает не только о забитом австралийском пастухе…

Среди русских путешественников Циммерман, пожалуй, был единственным, кто замахнулся на общие выводы относительно экономического будущего Австралии. Контраст между бурной жизнью крупных портовых городов и золотых приисков, с одной стороны, и сонной, едва заселенной глубинкой, с другой, привели его к убеждению, что Австралия мало обещает в будущем. Здесь, в отличие от Америки, «недостаточному классу гораздо труднее нажиться: здесь богатеют только капиталисты, имеющие возможность открыть обширное овцеводство в несколько десятков тысяч овец». Австралийские колонии таким образом представлялись ему благодатным местом не для земледельцев и рабочих, а лишь для капиталистов. «В этой новой стране капиталу суждено иметь сильный перевес над трудом», таков был его неутешительный вывод[26].

Итак, русские не смотрели больше на состояние австралийской экономики через розовые очки, как в начале века. Особенно мрачную картину они нарисовали в начале 1890-х гг., когда Австралию охватил экономический кризис. Более всего их поразил контраст между грандиозностью замыслов и сооружений и недостаточностью народонаселения. Так, в 1893 г. в Дарвине русские застали следующую картину: город пересекали прекрасные широкие прямые улицы, хорошо освещенные, но без… домов. (Ту же картину увидела там Витковская и в 1896 г.). Железная дорога от Дарвина до Пайн-Крика, «как и многое другое, сооруженное на деньги английской метрополии, представляет грандиозное, но вместе с тем бесполезное сооружение», — писал Ухтомский, командир «Разбойника». Поезда по ней ходили только два раза в неделю. Рядом с дорогой было выстроено «16 прекрасных домов-особняков» для служащих железной дороги, но они пустовали, т.к. на железной дороге работали в основном китайцы, а их жить в эти дома не пускали. Жизнь в городе едва теплилась: русские моряки с трудом смогли достать провизию, а деньги в банке получить так и не смогли, т.к. банки были близки к закрытию. Остановилась торговля — ведь территория почти ничего не производила. За отсутствием капиталов и рабочих почти прекратилась и золотодобыча. Причины всего этого Ухтомский видел не столько в чисто экономических факторах, сколько в расовых предрассудках — европейцы, чтобы не понизилась их заработная плата, препятствовали въезду в край китайцев, которые единственно и могли бы быть работниками в этом жарком климате.

Во многом сходную картину наблюдали русские и в Мельбурне в 1894 г., когда сюда зашел «Крейсер» под командованием Николая Небогатова. Русские были удивлены представшей их глазам картиной. В городе, выстроенном в расчете по крайней мере на полуторамиллионное население, жило менее полумиллиона. «Большинство домов стоят пустыми, рынки и магазины тоже не заняты, паровозы каждые четверть часа возят взад и вперед пустые вагоны», — писал Небогатов. Он видел причины кризиса в деятельности спекулянтов акциями из Англии и Америки. Витковская два года спустя тоже обратила внимание, как много домов в Мельбурне были предназначены для сдачи в наем и пустовали, что, по ее мнению, придавало улице вид запустения. И даже десятилетие спустя, в 1905 г., белорусскому путешественнику Ивану Синицкому Мельбурн показался «заброшенным» городом, «где электрические трамваи мчатся по улицам почти без пассажиров».[27]

Особую страницу представляют собой русско-австралийские экономические отношения. Хотя еще с начала 19 века раздавались голоса в поддержку прямой торговли между Россией и Австралией, до начала 1890-х гг. эта торговля не получила значительного развития. Иногда в австралийские порты заходили финские суда под русским флагом, они привозили сюда строевой лес, а обратно в Европу шли с грузом шерсти. Сколь незначительны были в то время экономические связи, свидетельствует наш знакомый аделаидец-инкогнито, писавший под псевдонимом Д.: «Из русского вы не найдете ничего в Аделаиде, кроме стеариновых свечей Невского завода и то контрафакции». Последний факт любопытен тем, что, очевидно, австралийцы ценили именно русские свечи и в данном случае местные промышленники, не очень надеясь на патриотизм рудокопов — главных потребителей свечей, — наклеивали на местное изделие русский ярлык.

В 1870-80-х гг. на страницах русской печати зазвучали и первые голоса о том, что Австралия может стать опасным конкурентом России по части сельскохозяйственных продуктов. Наш русский аделаидец — на

этот раз под псевдонимом T. G. — еще в 1871 г. предупреждал: «Боюсь, что хитрый колонист в компании с John Bull придумают какую-нибудь штуку, да и начнут вывозить пшеницу в Англию. России следует быть настороже и не терять своего постоянного потребителя». Хотя в русской печати и звучали предостережения о возможной конкуренции со стороны Австралии на рынке шерсти и пшеницы, русские производители, как кажется, долгое время не принимали всерьез эту опасность вследствие особого бесшабашного патриотизма русского образца. Например, А. Скальковский, экономический обозреватель журнала «Народное богатство», в статье «Русские шерсти и Австралия» еще в 1863 г. писал: «Южная Россия … вовсе не боится никакого соперничества в отношении рун своих мериносов», поскольку, мол, русская шерсть самая дешевая и самая лучшая. Но одного патриотизма было мало, и уже в 1880 г. в русской печати сообщалось, что «не далее как 10 лет тому назад наши южнорусские овцеводы принуждены были пораспродать свои стада, благодаря конкуренции австралийской шерсти».[28]

Однако к 1890-м гг., как отмечали сами австралийцы, интерес России к австралийским колониям значительно возрос. Экономические связи из области частных инициатив, предпринимаемых финляндскими шкиперами или австралийскими коммерсантами, которые к тому же часто действовали не напрямую, а через посредников, перешли на новый этап контактов на межгосударственном уровне. Российские нештатные консулы-иностранцы уже не удовлетворяли возросших потребностей ни в защите торговых интересов, ни в сборе информации. Алексей Путята, первый российский штатный консул, приступивший к своим обязанностям в Мельбурне в начале 1894 г., подчеркивал, что его миссия не имеет политического или какого-либо секретного характера, а лишь связана со стремлением русского правительства ознакомиться с социально-экономическими достижениями «этой молодой, но уже столь преуспевающей страны». В интервью корреспонденту газеты «Age» он говорил: «Вы спрашиваете, считает ли Россия Австралию местом особой важности. Да, и я думаю, что и во всем мире такое же мнение об Австралии. Моя миссия — это сбор информации о возможностях торговли между австралийскими колониями и Россией».[29] Путята активно приступил к выполнению своей миссии. Вскоре он обратился к русским предпринимателям со страниц «Вестника финансов, промышленности и торговли» — влиятельного экономического еженедельника — с предложением принять участие в готовящейся в Австралии международной выставке в Хобарте. «Открывающаяся выставка, — прекрасный случай послать сюда наши товары. Австралийцы в восторге от мысли устроить на этой выставке русский отдел. Они народ вообще очень дельный, практичный и чрезвычайно любезный и предупредительный», — писал Путята и приводил целый ряд русских продуктов, для которых Австралия могла бы служить хорошим рынком сбыта. Любопытно, что свой перечень он начинал с тех же свечей, о которых почти четверть века назад писал и аделаидец Д.: «Свечи наши здесь давно известны, все рудокопы их требуют. Настоящих уже нет, а продаются поддельные с этикеткой Невского завода», которые делают в Мельбурне. Среди других русских товаров он называл лес, керосин, нефть, мыло, кожи, подсолнечное масло, сахар, пиво, ржаную муку. «В особенности же, — подчеркивал Путята, — сюда могут пойти наши водки столовые и разные наливки». Теперь, сто лет спустя, мы можем сказать, что из всего этого перечня водка, пожалуй, стала единственным русским товаром, который завоевал австралийский рынок, да и то, в основном, не русского разлива…

Вслед за выступлением Путяты последовало и официальное заявление Департамента торговли и мануфактур в связи с выставкой. Оно отражало важные сдвиги, произошедшие в геоэкономических представлениях русских официальных кругов. Австралия в нем характеризуется не просто как потенциальный обширный рынок сбыта русских товаров, но и как… соседка России (а ведь в сознании обывателя Австралия все еще рисовалась как полудикая неведомая страна где-то на краю света!). Но русским чиновникам в Департаменте уже ясно виделись блестящие перспективы, когда будет завершено строительство Транссибирской железной дороги, которая свяжет центр России с тихоокеанскими портами и откроет прямой путь в Австралию. Более того, даже и до открытия дороги, благодаря наличию у России южно-черноморских портов она по существу была гораздо ближе к Австралии, чем другие европейские страны, считали русские экономисты. Тот же отказ от привычных стереотипов был характерен и для Путяты. От доказывал, что закупка шерсти в Австралии и перевоз ее в северные промышленные районы России морским фрахтом обойдется дешевле, чем наземная транспортировка шерсти, произведенной русскими овцеводами, с юга России в те же промышленные районы севера. Характерно и другое: Путята, как кажется, раньше других европейцев готов был рассматривать Австралию не просто как поставщика сырья, но как многообещающего производителя промышленных товаров. Выступая в австралийской печати, он призывал австралийцев послать товары на знаменитую нижегородскую ярмарку, которая в 1895 г. должна была принять международный размах. «Вам, австралийцам, надо послать на ярмарку образцы ваших продуктов и промышленных изделий», — писал он.

Выступал Путята и за прямую торговлю с Австралией без посредников, будь то англичане или немцы. В одном из своих последних донесений в Министерство иностранных дел (15 октября 1894 г.) он даже предлагал создать русский синдикат или торговую компанию, которая могла бы получать ту прибыль, которая ныне шла в карман перекупщиков. Однако всем этим планам русского консула не суждено было осуществиться — в декабре 1894 г. он скоропостижно скончался от болезни почек.[30]

Век спустя новый русский посол в Австралии Александр Прохорович Лосюков, встречаясь с русскими мельбурнцами, рассказал им о Путяте. Инициативная группа, возглавляемая русским священником Михаилом Протопоповым, разыскала забытую могилу Путяты на мельбурнском кладбище в Карлтоне и восстановила памятник. В декабре 1994 г. состоялось его торжественное открытие, а также открытие мемориальной доски у

дома на Маркет-стрит, где находилось первое русское консульство. Вскоре М. Протопопов опубликовал и биографический очерк о Путяте.[31]

Итак, к 1890-м гг. у русских деловых кругов — раньше, чем у других россиян — начал складываться образ Австралии как равного партнера, как некой самостоятельной сущности, а не просто колониального придатка Англии. Путята, кстати, одним из первых среди русских постоянно называл жителей Австралии австралийцами, а не англичанами, живущими в Австралии. К сожалению, все попытки и Путяты, и прогрессивно настроенных чиновников в России сдвинуть русско-австралийскую торговлю с мертвой точки были почти безрезультатными. Дело тормозилось консервативной верхушкой чиновного аппарата. Так, министр финансов С. Витте не поддержал инициативу, идущую снизу, об участии русских товаропроизводителей в Хобартской выставке 1894 г. Александр Массов обнаружил в архивных досье целый ряд подобных отказов, и причина их — явная или не явная — была одна: владевшее умами чиновников стереотипное представление об Австралии как о слишком отдаленной от России земле.[32]

После смерти Путяты русские консулы в Австралии часто менялись и по существу не успевали наладить дела. Это были барон Роберт Робертович Унгерн-Штернберг (конец 1895 — 1898), Николай Гаврилович Матюнин (1898 — 1899), Николай Помпеевич Пассек (1900 — 1902). Русско-австралийские экономические отношения не вызывали у них большого оптимизма. Австралия все чаще рассматривалась как опасный конкурент, а не выгодный торговый партнер. Вот только некоторые выдержки из донесений Унгерн-Штернберга, которые зачастую звучали как боевые сводки: «Чрезвычайно быстрое развитие молочного хозяйства в Австралии, грозящее новою, небезопасною конкуренциею сбыту наших сельскохозяйственных продуктов, побудило консульство собрать сведения о вывозе в Европу австралийского сливочного масла»; «Русский керосин появился несколько лет тому назад в Мельбурне… Опыт оказался неудачным, чего, при господстве домов, заинтересованных в торговле с Америкой, и следовало ожидать»; «Из великих держав одна лишь Россия к австралийским [шерстяным] торгам покупателей не посылает (хотя наша промышленность по общепринятому мнению без австралийской шерсти обойтись не может), между тем одним появлением русских покупателей в Австралии, даже если бы они ничего не покупали, положение наших фабрикантов на европейских шерстяных рынках естественно улучшилось бы».[33]

Итак, русские, посещавшие Австралию — будь то моряки, путешественники или консулы, — обнаруживали здесь быстро развивающиеся, богатые и передовые колонии, причем достижения их казались особенно впечатляющими благодаря контрасту «пустыня — цивилизация», в свете которого русские зачастую и воспринимали австралийскую действительность. Этот образ прекрасно вписывался в систему русских ожиданий и представлений. Однако русские посетители ясно видели, что эта новая земля не всегда развивалась так, как идеализировавшаяся ими Америка, она не была свободна от пороков старого света, включая и его социальные противоречия. Русская же печать, напротив, следила за австралийским экономическим развитием с полной симпатией. Особенно возрос интерес к австралийскому опыту в 1890-х гг., что объяснялось развитием капитализма в самой России и выходом Австралии на мировую арену. Первым русским крупным исследованием австралийской экономики стала книга экономиста-географа А. Ф. Фортунатова «Население и хозяйство Австралии». Автор ее перевел цифры сухой статистики на живой язык, доступный широкому читателю, и применил оригинальный метод сопоставления данных австралийской статистики с аналогичными русскими данными. Цифры, увы, были далеко не в пользу России во всех областях, за исключением одной — потребления водки. Фортунатов особо подчеркивал роль австралийского правительства в содействии распространению образования, в том числе сельскохозяйственного. Заключение его сравнительного анализа было отнюдь не пессимистичным, а скорее конструктивным: «Как ни далека от нас Австралия, как ни чужды для нас многие стороны тамошнего хозяйственного быта, но едва ли можно отрицать, что и русский человек, заинтересованный хозяйственным благосостоянием России, найдет для себя много поучительного в том, что делается у антиподов».[34]

(Продолжение следует)

1 Ссылки на источники см. в биографических очерках, составленных Е. Говор и А. Массовым в кн.: Российские моряки и путешественники в Австралии, М., Наука, 1993.

2 Российские моряки…, с. 198–199.

3 Массов А. Русские моряки в Брисбене (К истории посещения Австралии клипером «Наездник» в 1888 г.) — Австралиада, 1999, № 19, с. 15.

4 Российские моряки…, с. 104 (очерк составлен А. Массовым).

5 Д. Южная Австралия. — Кронштадтский вестник, 28 марта 1871, с. 145; Циммерман Э. Р. Путешествие по Австралии и Океании. — Отечественные записки, 1882, № 12, с. 482; *Age*, 1894, 29 January, p. 5; Олтаржевский В. П. Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия). — Проблемы истории Австралии и Океании, Иркутск, 1990, с. 26-27; Массов А. Я. Россия и Австралия во второй половине 19 века. СПб., 1998, с. 104-107.

6 *Age*, 1894, 29 January, p. 5; Protopopov M. A. D. Poutiata, Melbourne, 1995; Олтаржевский, Начало деятельности российского консульства…

7 *Newcastle Morning Herald,* 20 January 1888, p. 8; Витковская С.В. Кругом земли. Путевые воспоминания. СПб., 1915, с. 1, 175, 180–1, 186; Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1882, № 8, с. 330.

8 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1882, № 9, p. 180; Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880-1883 годах. СПб., 1909, с. 116; Российские моряки…, с. 176; Витковская, Кругом земли…, с. 245.

9 Линден В. Из письма лейтенанта Линдена с корвета «Боярин». — Морской сборник, 1870, № 12, с. 14; Руднев, Кругосветное плавание…, с. 99; Витковская, Кругом земли…, с. 174, 188-189, 242, 262, 285, 288; Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1883, №. 8, с. 349–350.

10 Журналы «Вестник Императорского Русского географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения», «Морской сборник», «Всемирный путешественник».

11 Полярная звезда, 1966, с. 295, 302; Колокол, 1962, с. 894.

12 Фойницкий И. Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии, СПб., 1881, с. 44; Черняева М. Рассказы об Австралии и австралийцах, М., 1896, с. 21, 24.

13 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1882, №. 12, с. 485; 1883, №. 8, с. 354, 367, 379.

14 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании, 1882, №. 8, с. 333–335; №. 9, с. 90–93; T. G. Порт-Дарвин — северная область Австралии. — Кронштадтский вестник, 1871, с. 188–189.

15 Попов А. А. Извлечение из рапортов начальника эскадры Тихого океана… — Морской сборник, 1863, № 9, с. 35–9; Российские моряки…, с. 115; Письмо с фрегата «Светлана». — Кронштадтский вестник, 1862, 18 марта, с. 84.

16 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании, 1883, №. 9, с. 240.

17 Австралийские колонии. — Морской сборник, 1861, № 2, с. 251.

18 Линден В. Гобат-Таун, остров Тасмания. — Кронштадтский вестник, 1870, 26 августа.

19 Мурчисон Р. Обозрение успехов географической науки в 1851 г. — Вестник Императорского русского географического общества, 1852, ч. 6, кн. 1, с. 36.

20 Попов. Извлечение из рапортов…, с. 37; Детали см. Говор Е. В. Библиография Австралии (1710-1983), М.: Наука, 1985, № 2085, 2091.

21 Попов . Извлечение из рапортов…, с. 37–38; Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. Т. 3, СПб., 1872, с. 712.

22 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании 1882, №. 12, с. 465, 1883, №. 8, с. 384; Витковская, Кругом земли…, с. 216.

23 Мерцалов Д. В. Корабельный медицинский журнал… — Медицинские прибавления к морскому сборнику, 1865, вып. 5, с. 185; Марков В. Морские впечатления. — Иллюстрация, 1863, № 252, с. 27.

24 Линден В. В Тихом океане. — Вестник Европы, 1871, № 7, с. 137–138; Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1883, № 8, с. 356, 367–368.

25 T. G. Порт-Дарвин, с. 189; Богословский Г. И. Санитарный и медико-топографический обзор… — Медицинские прибавления к Морскому сборнику, 1886, № 6, с. 457.

26 Циммерман, Путешествие по Австралии и Океании…, 1882, №. 12, с. 451–459; 1883, №. 7, с. 107–111.

27 Российские моряки…, с. 199-200, 201; Витковская, Кругом земли…, с. 195; Синицкий И. Ф. Новая Зеландия — Европа, Б. м., б. г., с. 37.

28 Д. Южная Австралия, с. 145; T. G. Порт-Дарвин; Скальковский А. Русские шерсти и Австралия. — Народное богатство, 1863, № 3, с. 11; Всемирная выставка в Австралии. — Всемирная иллюстрация, 1880, № 610, с. 207.

29 *Age,* 29 January 1894, p. 5.

30 Выставка в Австралии. — Вестник финансов, промышленности и торговли (ВФПТ), 1894, № 19, с. 1165-1166; Путята А. Д. Сбыт русских товаров в Австралии. — ВФПТ, 1894, № 19, с. 1182; От департамента торговли и мануфактуры по поводу австралийской выставки, — ВФПТ, 1894, № 37, с. 612-613; *Age,* 29 January 1894, p. 5; Олтаржевский, Начало деятельности российского консульства, с. 41–42.

31 Protopopov M. A. D. Poutiata, Melbourne, 1995.

32 Детали см. Массов, Россия и Австралия во второй половине 19 века, с. 181; Govor E. Russian Perceptions of Australia, 1788-1919, PhD thesis, The Australian National University, Canberra, 1996, p. 163.

33 ВФПТ, 1896, № 11, с. 669; 1897, № 4, с. 204; № 13, с. 811.

34 Фортунатов А. Ф. Население и хозяйство Австралии, М., 1898, с. 45.